

«Мужики врут, что любят сухое вино и худеньких женщин»; работали лихо: «Меня никаким товаром не запугаешь»; прошли огонь, воду, медные трубы и чёртовы зубы, ничего на свете не боялись; ревновали к хрупким фигуристым девушкам: «Ишь, ресницы загнула».

Витя же ценил именно тургеневских девушек и бальзаковских женщин. Мог внезапно остановиться:

— Ах, какая симпатичная. Есть же у нас в России поэтические натуры.

Впрочем, и старушками-молодушками восхищался:

— Ах, какая дивная старушка! Дивная, дивная!

Особо Виктор Иванович отличал Леночку — царь-девицу, гордую, с прямой спиной.

— Какая я вам Леночка? Мой Петенька уже ползает.

— Какой большой уже мальчик. Скоро женский день, Лена. Один вопрос: каким вы хотите видеть мужчину?

— Вообще бы их не видеть. Кроме одного.

Когда она подхватывала сзади копну русских волос, процеживая их струйками между пальчиками, мужички замирали. Лена работала с Олей — рыжеватой, с тонкими запястьями.

— А где Валечка?

— Ушла в декрет. Надо народонаселение увеличивать.

Витя качал головой:

— Как я ненаблюдателен!

— Да уж.

— Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте!

— Филейку берите, только что подвезли.

— Мне вот эту филюшечку, милостивая государыня. Денги есть — Уфа гуляем, денги нет — Чишма сидим.

Леночка улыбалась ему:

— Денги есть — с чужой гуляем, денги нет — к своей бежим.

— Пошто вы, девушки, красивых любите. А что же нам, некрасивым, делать? Как привлечь ваше внимание? «Для чего создана женщина, Мокий Пармёныч? — Для блеску создана, для блеску, для роскоши». Островский, «Бесприданница». Однако, честь имею кланяться.

Получилось так, что мы долго не были на Стаханке.

И вдруг — что мы услышали!

— Ольк! Я что-то давно не видела этого старикашку, ну этого, плюгавенького? Ну, смешного — здравствуйте-здравствуйте-здравствуйте. До свиданья, до свиданья, и ножкой шаркает! Денги есть — Уфа гуляем...

— Ленка, я его тоже давненько не видела.

Витя согнулся, опустил голову, выбрался из очереди — «разрешите пройти», «простите, простите». Я — следом. Витя шёл — руки в карманах всесезонного пальто с отстежным во-

«ДЖОРДЖОНЕ, У ТЕБЯ ЕСТЬ КУДА БЕЖАТЬ, ЕСЛИ ЧТО?» — «КОНЕЧНО, ВАСЯ. В ПЕРМЬ, В РЕВОЛЮЦИОННУЮ МОТОВИЛИХУ, КУДА ЕЩЁ?»

ротником из потёртого кролика. Молча и быстро шли весёлой улицей Мира мимо магазина «Стахановец», мимо парка Миндовского. Я осмелился заговорить:

— Видел на рынке объявушку: «Сухофрукты переехали на второй этаж».

Витя не отвечал, прибавляя ход. Я решил развлечь его:

— Как-то на днях шёл из Крохалева к себе в Балатово мимо гаражей на улице Героев Труда, где красуется надпись с подтёками «Крохала рулят!», по шаткому мостику, мимо мичуринских домиков в логу. Тёплые денёчки, солнце предвесеннее, грязь на тяжёлом подъёме к железной дороге. Слышу: «Дедуля!» Обернулся — никого нет. Выползаю наверх, как трактор К-700. Дошло: дедуля — это же я! — распаренный как после бани, морда красная, в руке бабья хозяйственная сумка.

Трактор «Беларусь», рядом парень с девушкой, смеются. На путях — ремонтники. Солнце светит!

— Дедуль, пиво хошь? Открывает «Балтику».

— Спасибо, браток! Врачи запрещают, не обижайся!

Кажется, совсем недавно на Дальнем Востоке и меня братком звали. Это мои слова — «браток, братишка, брат», — никаким хмырям их не отдам.

Витя шёл, всё более замедляя ход. Наконец остановился.

— Пойдём назад.

— Нет такого слова — назад!

— А если надо назад?

— Мой друг Анварушка Нигматуллин в таких случаях говорит: «Разворачиваемся и алга!» По-татарски — вперёд!

У Леночки золотистые волосы скручены в узел, перехвачены девичьей синей ленточкой — василёк в золотом ржаном поле. Я глядел на Витю во все глаза. Что-то будет?

— Леночка... здравствуйте... здравствуйте... здравствуйте! Его голос срылся на писк.

— Ой, как давно я вас не видела! Что с вами было?

— Голубушка, денег нет — да как земля лежишь, денги есть — да как ишак бежишь! Теперь внезапно разбогател.

— Пенсию внезапно заплатили?

— В некотором роде.

Теперь Витя просто пищал:

— И вы, Оленька, ласточка... тоже... здравствуйте.

— Пакет нужен?

— Чувствительно благодарен.

— Так нужен пакет?

— Пакет не нужен.

— Следующий!

— Простите за пардон.

— Я сказала: следующий!

...В здании пермского речного вокзала, на некоторое время ставшем Музеем современного искусства, московский режиссёр Дмитрий Крымов показал свой спектакль «Смерть жирафа». Представление окончилось. На следующий день Крымова снова потянуло сюда — он зачем-то приехал, зачем-то ходил по сцене, вглядываясь в оставшуюся разметку мизансцен. Он не знал, что это место — зачарованное. Герцен не зря сказал: «Пермь — странная вещь».

*И скольких нет уже в живых,
Тогда весёлых, молодых... ❧*